

Прієм подяки і об'явлений в контролі
видавництва Berlin W. S. Kronenstr. 4-6
Телефон: Маріт 4340 и 4341.

СОДЕРЖАНИЕ

180

жизни большевизма, как и выступление Колчака и Деникина. Он считает также, что

Жак Нуар.

Среди болот.

Плетутся унылые годы,
Как толпы больных стариков.
Болота да ржавые воды,
Да жалобный свист куликов...

И утром лохмотья туманов,
Как тряпки истлевших одежд.
Ни востры, ни миражных обманов,
Ни ярких огней, ни надежд...

Почти, что у самого края
На небь ночном иногда,
Сгустившийся мрак озаряя,
Горит голубая звезда...

Зимою, весною-ли, лѣтом —
Она, разливаясь волною,
Сияет мистическим свѣтом
Над дальней волшебной страной...

Живут там счастливые люди
Друг другу душевно близки...
И радостно дышат их груди,
И чужды им пытки тоски...

Невѣдомы ложь и тревоги,
Измѣны и скорби разлук...
Там любят, как древние боги,
Без слов, без раздумья и мук...

Но в землю чудесных утопий,
Гдѣ люди живут без забот, —
Дорога ведет через топи
Сквозь пар ядовитых болот...

Лишь кочки, как рѣдкія плѣши.
Порой намѣчаются днем.
Не ступит — провалится пѣшія
И всадник погибнет с конем...

Умрут, проклиная свой жребій,
Утонут в грязи без слѣда...
А вечером снова на небѣ
Блеснет голубая звезда...

И снова докучные годы,
Как пски подпольных мышей...
Болота да ржавые воды,
Да шорох потных камышей...

Жак Нуар.

мой портрет. Затѣм я снимаю свою старую рожу, не понимаю: никому она не интересна». 3 марта 1896 г. отмыкает: «Вчера разсердился на замѣтку о празднованіи 20-лѣтія газеты. В замѣткѣ названы подарки, поднесенные мнѣ, а ни слова нѣтъ о том, что я дал 5000 руб. в кассу наборщиков и 10.000 р. в кассу сотрудников».

Недоволен Суворин и отдѣльными сотрудниками. Особенно Столыпиным, о котором говорит: «Столыпин, боюсь, окажется просто бездарностью. Он не пишет, а прокурорствует и совсѣм неумно.» Нота неудовольствія звучит в записи о Скальковском и Рѣпинѣ. «Разсердился на меня Скальковский, которому я не выдал пая, потому что он богат и без того; работал в газетѣ, оставаясь на службѣ, играл на биржѣ и счастливо сначала, и сам говорил, что у него до милліона рублей. Он утверждал, что болтал о своем состояніи «для баб», что его нѣтъ у него в таком количествѣ, в каком болтал. Я велѣлъ ему послать 2500 руб., хотя не нахожу, что это справедливо.»

«Рѣпин наврал в своей статьѣ, отнеся П. Веронезе к XVII ст., и Венещію в том столѣтіи подчинил Австріи», пишет Суворин об И. Е. Рѣпинѣ, и добавляет: «Плохо наши художники знают исторію и даже исторію живописи. Я поправил его. Пожалуй обидится.»

Зато к Амфитеатрову у старика положительно «влеченье, роль недуга». И даже тогда, когда Амфи-

театров ушел из газеты и жестоко обидѣл Суворина, он вспоминает о нем без злобы. Имя Амфитеатрова упоминается в «Дневникѣ» не менее 15—20 раз. Первая записка относится к 28 ноября 1896 г., гдѣ Суворин пишет: «Амфитеатров просит аванс в 5000 руб. и 800 руб. ежемесячно о тѣм, чтобы 100 руб. вычитать из уплаты аванса.» Опустя три года, 27 марта 1899 г. Суворин жалуется в своем «Дневникѣ»: «Амфитеатров ушел из газеты, написав мнѣ обидное и фальшивое письмо». Через два дня обиженный старик приводит свое письмо к Амфитеатрову, в котором, между прочим, говорит с горечью: «Я получил ваше письмо с намеком на «общественныя условія», которыя побуждали вас выйти из газеты. Сын мой Леля, бывшій у вас, разъяснил мнѣ, что вы разубѣдете под этим клевету, которая пущена против меня, что я будто бы просил у министра циркуляр от 17 марта. Вѣдь я думал, что вы способны защитить меня от клеветы. Когда про вас, послѣ вашей театральной катастрофы, рассказывали мнѣ прямо безчестныя вещи, я им не только не вѣрил, но я помог вам, когда вас всѣ оставили... Я знаю, что благодарность — порок, но я не знал, что клевета — добродѣтель... Меня утѣшает только то, что люди, так поступающіе, как вы, в глубинѣ души чувствуют себя скверно. Выручать хозяина, которому задолжал, обидѣть хозяина смертельно, которому обязан, чтобы перейти к другому — это русская черта, одна из самых худших... К этой большой темѣ Суворин снова возвращается и 1 апрѣля пишет: «Амфитеатров забрал вперед 20 тысяч и улизнул, прикрывшись благодарством». 14 февраля 1900 г. глубоко оскорбленный Суворин снова пишет: «Он (Амфитеатров) остался мнѣ должен до 15 тысяч, а ни разу ему не заикнулся о долгѣ. Да Бог с ним... С тѣм большим нравственным удовлетвореніем старик описывает обѣд у Савиной, гдѣ артист Далматов все кричал Амфитеатрову: «Становись на колѣни и клясь!»

Суворин не оказался злопамятным человеком и когда с Амфитеатровым страхась бѣда и его выслали из Петербурга за фельетон «Господа Обмазовы», Суворин пишет: «Утром сегодня его жена была у Миши в слезах. В редакціи «Россіи» ей ничего не дали. Миша дал ей 100 руб.» Через 2 недѣли снова пишет Амфитеатрову к Суворину: «Просила денег. Дал еще 200 руб., но подумал, что ей всего прямѣе было бы обратиться к отцу Амфитеатрова, протоіерею Успенскаго собора, человеку очень богатому. Уходя из «Нов. Времени», Амфитеатров остался мнѣ должен до 15 тысяч». Еще через день, 10 января Суворин пишет: «Амфитеатрова приходит просить денег и проч. Ея муж не церемонился, выходя из газеты, клеветал на меня, писал в «Россію» разныя гадости против меня без подписи, во время юбилея не поздравил. Но у меня против него нѣтъ никакой злобы...» И наконец 15 февраля Суворин еще раз возвращается к Амфитеатрову: «В Москву мнѣ было переслано письмо от Амфитеатрова из Минусинска, просит пособить ему и предлагает для наданія роман. Я сдѣлал все, что смогу.»

Зато злобой и непримиримостью полны записи о Михайловском. «Я завидую Н. К. Михайловскому. Как он великолѣпен в своих воспоминаніях, с какой высоты он говорит о Некрасовѣ, о Толстом. Иван Велікий, Хеопсовъ пирамида! Пирамидальный человек! А у меня была статья Протопопова, которую

я не напечатал, просто не желая оскорбить их. В этой статьѣ Михайловскій изображенъ такъ мелким, такъ самодовольным интриганом.»

И такой ироніей пропитаны строки, посвященныя К. Р., — вел. кн. Константину Константиновичу, как актеру и поэту. «Вчера был в Эрмитажном театрѣ и смотрѣлъ «Гамлета» в исполненіи вел. кн. Константина Константиновича. Но у него нѣтъ ни олько дарованія. Гамлет ли говорить, ни ходить по сценѣ не умѣет. Часто он просто събиток. Тѣмъ кому то подражает, очевидно, думает, что он что-то даровитое. В одном монологѣ он ругал короля, ослѣпаясь к его креслу, которое, наконец, изломал. Он при этом поднялъ голос, рычал, кричал, но во всем этом ни капли души, ни одного тона сердечнаго. Я прослушал сцену в театрѣ, гдѣ вел. кн. полз по астрахѣ. Все это было глупо и по дѣтски-воистину. И чего им надо, — хитро спрашивает Суворин — зачѣм они маленьких Неронов разыгрывают и заставляют себя аплодировать эту челядь петербургскую?»

Отмыкая, 30-лѣтній юбилей композитора Соловьева, Суворин пишет от 15 февраля: «Были государь и государыня. Хорошо, что она пріѣхала на скромный праздник композитора. Но скверно со стороны вел. кн. Константина Константиновича, тов. председателя консерваторіи: он не пріѣхал и прислал телеграмму. Видно устал от Гамлета. Бѣдняжка! Гаер в великолѣпнѣйшем санѣ, плохой поэт, плохой актер и к тому же безтактный и невѣжливый человек. Соловьев пишет музыку на его стихи. Вот и не холопствуй Н. Ф. Барин и не пріѣхал!»

В записи от 14 марта отмыкается еще слѣдующій эпизод: «Буренин позволилъ себѣ в фельетонѣ критически-мягко отозваться о стихах К. Р. Феоктистов признавал меня в управленіе по дѣлам печати: «Она жите Буренину, охота ему говорить о стихах К. Р. Министр очень недоволен. Пусть лучше пишут великіе князья плохіе стихи, чѣм баклуши бить.»

Не менѣе сердито отмыкает Суворин и вышпательство тѣм. Маріи Федоровны в дѣла прессы. 2 августа 1900 г. старик сердито заносит в дневник: «С Китаем нѣтъ телеграмм. Слово стоит 3 рубля, благодаря императрицѣ Маріи Федоровнѣ, которая потребовала этот налог в пользу датской компаніи; Погибла Россія — лишь была бы жива Данія. Нѣмка не дѣлала того, что дѣлает эта надвострующая. Говорят, что Паллазенъ получил милліон, по ея требованію, тоже ни за что ни про что.»

Я привел лишь самую незначительную часть, относящуюся непосредственно к дѣятелям литературы и журналистики. Эта часть к тому же у Суворина самая безобидная, но и здѣсь почти всѣ фигуры дѣйствующих лицъ выписаны, что называется «во весь рост». За то в той части Дневника, гдѣ описываются дѣятели бюрократическо-самодержавнаго Олимпа, дѣйствующія лица кажутся фотографіями, взятymi напрокат из альбомов уголовных калблетов. Закрывая «Дневник» чувствуешь, почему так обидѣлся талантливый журналист, когда его «дураки и ослы» предполагали награждать высокимъ орденом.

16 ноября 1904 г. отмыкает записку, под которой мог бы подписаться самый свирѣпый революціонер: «Есть ли у правительства друзья? Какіе могут быть друзья у дураков и олухов, у грабителей и воров.»

Ник. Берманскій.